

УДК 940.1 (474)

А. С. Новиков

**КАЗНЬ ГЕНРИХА МОНТЕ
И МОТИВ «ДВОЙНОЙ СМЕРТИ» У ПРУССОВ**

118

Анализируется процедура казни одного из предводителей прусского восстания Генриха Монте по обряду «двойной смерти», который посвящался двум богам – Патолсу и Потримпсу. Данный обряд отражает понимание балтами иного мира и является частным случаем обихих для индоевропейских народов представлений о смерти.

This article focuses on the execution of one of the leaders of the Prussian revolt, Herkus Monte, according to the “double death” rite dedicated to two gods – Patollo and Potrimps. This rite is typical for the Baltic perception of the other world and is a special case of the common for Indo-European peoples idea of death.

Ключевые слова: обряд «двойной смерти», Генрих Монте, Патолс, Потримпс, балты, Тевтонский орден, язычество.

Key words: «double death» rite, Henry Monte, Patollo, Potrimps, Balts, Teutonic Order, paganism.

К началу 70-х гг. XIII в. братьям Тевтонского ордена в Пруссии удалось подавить основные очаги мощного прусского восстания, вспыхнувшего в 1260 г. Особое значение имела казнь около 1273 г. его наиболее авторитетного вождя – Генриха Монте [17, S. 108]. Будучи избран вождем наттангов, он вскоре стал настолько известен, что само его имя ассоциировалось с восстанием. Еще в 1339 г. великий магистр Дитрих фон Альтенбург упоминал о тяготах, «что пришлось претерпеть... братьям в те прежние времёна [от] изрядных козней Генриха Монте (Muriche) и всех пруссов, а также самбов, открыто и упорно отступавшихся от христианской веры» [6, S. 29]. Казнь Генриха Монте была весьма своеобразна и носила явно ритуальный характер: его «повесили на дереве и повешенного пронзили мечом» [3, с. 108].

В подобном способе казни прослеживается мотив «двойной смерти», имеющий известные индоевропейские параллели. Здесь сразу же обращает на себя внимание скандинавский миф о принесении Одина в жертву самому себе на мировом древе Иггдрасиль, где он висел «пронзенный копьём, посвященный Одину, в жертву себе же, на дереве том, чьи корни скрыты в недрах неведомых» [4, с. 65]. Жертвоприношение с посвящением описано и в «Саге о Гаутреке», где Старкад принес своего побратима Викара в жертву Одину; надев ему на шею петлю и прикоснувшись к его телу стеблем камыша, он намеревался совершить символическую жертву, но при словах Старкада «Теперь я дарю тебя Одину»

петля впиалась в горло Викара, а камыш превратился в копье и умертвил его [13, с. 22]. Смысл ритуала «двойной смерти» может быть реконструирован, исходя из концепции жертвоприношения на мировом древе. Он основывался на представлении о множественности путей в иной мир, используемых душой, предназначенной одновременно для двух божеств и уходящей по двум направлениям бытия — в воздух и воду [15, с. 262].

Относящиеся к балтам источники дают достаточный материал для реконструкции. Петр из Дусбурга сообщает о пруссах, что, «когда по неожиданному стечению обстоятельств они сталкиваются с непреодолимыми трудностями, то обычно кончают самоубийством» [3, с. 52], обычно через повешение. Он неоднократно упоминает о литовцах, которые потерпели поражение и «повесились от тоски» [3, с. 106, 160, 169]. «Повесились собственными руками» литовцы, разгромленные в Ливонии [8, S. 36]. Естественная боязнь смерти отчасти нивелировалась отсутствием в языческом сознании четкой границы между реальным и потусторонним мирами. В 1205 г. после разгрома литовцев «пятьдесят женщин, потерявших мужей, после этого повесились. Это потому, конечно, что они надеялись вскоре же встретиться с ними в другой жизни» [1, с. 91]. Этот «другой» мир был таким же, как и реальный, просто видимым по-иному. Физическая смерть означала конец существования лишь тела, но не души, которая должна была вскоре возродиться вновь. Как свидетельствует Винцентий из Кадлубка, у пруссов «существует общее заблуждение, заключающееся в том, что души после разлучения с телом переходят в тела вновь родившихся [людей], а некоторые даже в тела зверей и становятся зверями» [5, с. 108–109]. Сама же душа находилась в крови: по сообщению автора Галицко-Волынской летописи, душа убитого ятвяжского нобиля «изииде... со кровью во адъ» [2, с. 835]. Воплощением мирового древа у балтов был священный дуб [16, с. 302]. Это был «большой, толстый и могучий высокий дуб, в котором находился призрак дьявола и внутри были изображения божеств, [и из которого] также исходили речи дьявола, [он] был постоянно зеленым, зимой и летом» [7, S. 78].

Из материалов, известных нам о прусских богах, можно заключить, что предаваемый «двойной смерти» через повешение и пронзание оружием посвящался двум богам — Патолсу и Потримпсу. Патолс, «парящий дух или дьявол» [11, S. 245], «был самым ужасным богом, являвшимся в дом [в виде] ночного призрака, особенно во дворы знатных. <...> Он также был богом мертвых». Если он являлся в усадьбе умершего три раза подряд, ему «следовало принести в жертву человеческую кровь». Знаком принятия жертвы был «шум в [листве] дуба» Ромове [7, S. 94–95]. Патолс изображался как «старый человек с длинной зеленой бородой, и цвет его [одежд] был совершенно смертелен, он был увенчан белым сукном в виде тюрбана» [7, S. 77]. Потримпс, «бог текущей воды» [11, S. 246], был «богом счастья в битвах, а также в других делах... и этот дьявол также желал, чтобы в честь его убивали младенцев, и это также делали. Патолло и Потримпшо находили удовлетворение в человеческой крови, поэтому для их почитания ее проливали перед дубом» [7, S. 95]. Потримпс изображался как «юноша без бороды, коронованный пучками листьев и готовый радоваться» [7, S. 77]. Оба бога проти-

вопоставлялись друг другу как две ипостаси, смерть и жизнь [16, с. 300—303]. Таким образом, дерево при проведении ритуала «двойной смерти» становилось моделью мирового дерева, по стволу которого душа повешенного, посвящаемая богу смерти Патолсу и извлеченная из тела ударом меча, по току крови отправлялась вниз к водам, омывающим корни дерева. Здесь она посвящалась богу возрождения Потримпсу как душа погибшего от раны, переходя в иной мир и возрождаясь к жизни в новом теле. В некоторых случаях душа могла остаться в самом дереве. В Белоруссии известны поверья о душах, «заклятых в дерево». Уснув под таким деревом, можно увидеть во сне человека, душа которого заключена в нем, и он расскажет, сколько времени и за какие грехи в нем находится [12, с. 234].

Смертная казнь путем повешения была обычной практикой на землях Тевтонского ордена. Одна из первых юридических фиксаций подобно вида казни относится к 1298 г., когда в пожаловании для самба Гланде было оговорено, что он имеет обычные для нобилia права «за исключением высшего суда, то есть шеи и лишения руки» [10, S. 430]. Известно, что около 1231 г. захваченного в плен помезанского нобилia Пиппина брата ордена «повесили на дереве» [3, с. 54]. О вожде вармов Глапшо нам известно, что он был повешен в предместье Кёнигсберга «на горе, которая по имени его по сей день называется горой Глапшо» [3, с. 108]. В этих эпизодах языческая основа не прослеживается, однако в последнем случае привлекает внимание образование топонима от имени казненного. Высказывалось предположение, что «пуца», в которую со своими сторонниками ушел Генрих Монте после разгрома наттангов и где он был схвачен, — это леса в округе Штаблака (район пос. Долгоруково Багратионовского района Калининградской области) [3, с. 108; 19, S. 12]. Однако в источниках XIV — XV вв. упоминается «гора Монте» (Mante-garbs — 1331 г., Mante-garbe — 1418 г.) в округе Норкитена (пос. Междуречье Черняховского района). В связи с этим Р. Батура считает, что это и есть место казни либо погребения Монте [9, р. 392]. По мнению В. И. Кулакова, казнь произошла несколько южнее, у одного из крупнейших прусских городищ Шлоссберг (пос. Бочаги). Как предполагает исследователь, сам Монте, «исчерпав возможности вооруженной борьбы с захватчиками, решил обратиться к прусским богам и совершить жертвоприношение, чтобы добыть для пруссов свободу» [14, с. 235—238]. Однако сведения о месте казни должны были бы сохраниться в хронике, которая сообщает лишь, что Монте был захвачен в плен после того, как «ушел в пуцу» и «сидел один в палатке своей, а товарищи его были на охоте» [3, с. 108]. По контексту сообщения, он был казнен на месте пленения, которое нам неизвестно. Среди лиц, казнивших его, были «Генрих фон Шёненберг, комтур Христбурга, и брат Хельвик фон Гольдбах с несколькими оруженосцами» [3, с. 108]. Способ казни предполагает наличие среди этих «оруженосцев» пруссов, которые формально приняли христианство, но соблюдали языческие обычаи. Для того периода это отнюдь не было чем-то необычным, поскольку в войске, состоявшем как из рыцарей-христиан, так и недавних язычников, граница между христианской и языческой практиками была достаточно расплывчатой. Братья-рыцари Ливонского ордена отнюдь не препятствовали своим союзникам-куршам во время совмест-

ных военных предприятий бросать жребий явно языческим способом и не пресекали их попыток узнать будущее в пении птиц [8, S. 195]. Причину подобной толерантности следует искать, вероятно, в чувстве солидарности и сопричастности, которое возникает среди комбатантов-профессионалов [см.: 18, S. 58–59]. Вероятно, эти «оруженосцы», продолжавшие придерживаться принятых в прусском обществе норм, и дали возможность Монте умереть в соответствии с ними, поэтому в данном случае следует говорить не о казни, а скорее о ритуальном убийстве. Можно также предположить, что Монте дали возможность повеситься самому и только потом пронзили мечом. Подобный способ убийства должен был включить реальное событие в традиционную для пруссов мифологическую картину мира и послужить гарантией надлежущего возрождения души умершего.

Не менее важным был и социальный аспект обряда. В обществе отсутствовало понятие индивидуальности; человек был частью рода и в этом смысле продолжал существовать и после своей смерти. Тот, кто был способен заслужить уважение в обществе и защитить свою честь, побеждал смерть, и об этой «посмертной репутации» следовало заботиться больше, чем о сохранении жизни. Поэтому смерть ритуального характера сама по себе гарантировала Монте бессмертие в памяти соплеменников. Кровавая жертва имитировала смерть в битве, единственно достойную для нобилия. Сомнительно, что речь в данном случае шла о жертве во имя свободы прусского народа, поскольку подобные идеи не соответствуют уровню развития родового общества. Но, безусловно, сам Монте желал для себя именно такой смерти, которая должна была обеспечить его душе возрождение в облике, достойном вождя-воина.

Список источников и литературы

1. *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. Л., 1938.
2. *Ипатьевская летопись* // Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 2.
3. *Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской. М., 1997.
4. *Старшая Эдда*. СПб., 2005.
5. *Хроника магистрата Винцентия Кадлубка* // Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1990.
6. *Codex diplomaticus Prussicus*. Königsberg, 1848. Bd 3.
7. *Grunau S. Preussische Chronik*. Leipzig, 1875. Bd 1.
8. *Livlandische Reimchronik*. Hildesheim, 1963.
9. *Petrus Dusburgietis. Prūsijos žemės kronika*. Vilnius, 1985.
10. *Preußisches Urkundenbuch*. Aalen, 1961. Bd 1, H. 2.
11. *Der ungläubigen Sudauen ihrer bockheiligung mit sambt andern Ceremonien, so sie tzu brauchen gepflegeth* // Mannhardt W. Letto-preussische Götterlehre. Döhren, 1971.
12. *Агапкина Т. А., Топорков А. Л.* Материалы по славянскому язычеству (древнерусские свидетельства о почитании деревьев) // Литература Древней Руси. Источниковедение. М., 1988.
13. *Гуревич А. Я.* «Эдда» и сага. М., 1979.
14. *Кулаков В. И.* Дорогами Ульмеригии. Калининград, 2000.
15. *Михайлова Т. А.* Знамения смерти в кельтской эпической и фольклорной традиции // Представления о смерти и локализации Иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002.

16. *Топоров В.Н.* Заметки по балтской мифологии // Балто-славянский сборник. М., 1972.

17. *Ewald L.* Eroberung Preußens durch die Deutschen. Halle, 1886. Bd 4.

18. *Neecke M.* Literarische Strategien narrative Identitätsbildung: eine Untersuchung der frühen Chroniken des Deutschen Ordens. Frankfurt-am-Main, 2008.

19. *Rousselle M.* Die Besiedlung des Kreises Preußisch-Eylau in der Ordenszeit // Altpreußische Forschungen. 1926. H. 2.

Об авторе

Александр Сергеевич Новиков — канд. ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: novic-80@rambler.ru

About author

Dr Alexander Novikov, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: novic-80@rambler.ru